

Я НЕ ОТПУЩУ ТЕБЯ

МИКАЭЛА РАЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МИКАЭЛА РАЙ

Я не отпущу тебя

<https://litres.ru/74419829>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга написана в двух POV (от лица Мирры и Марка).
Приготовьтесь узнать, что на самом деле творится в голове у монстра)#

«Ты думала, что сбежала от меня? Глупая девочка. Ты просто перешла в другую клетку. Но ключи ключи всегда были у меня»

Мирра - хорошая девочка, которая верит в светлое будущее. Она ушла от Марка, когда он предал её. Запретила себе оглядываться, стёрла его номер и сменила замки.

Но она не знала главного: Марк не собирается её отпускать. И на этот раз он не просто хочет её вернуть - он хочет сделать своей собственностью.

Марк - криминальный авторитет, который видит в Мирре своё искупление. Он готов уничтожить всё, что ей дорого, лишь бы она снова оказалась в его клетке.

Теперь каждый её шаг под прицелом. Каждый её вздох ему принадлежит.

Но самое страшное даже не то, что он преследует её. Самое страшное - это то, что где-то в глубине души, среди страха и ужаса она начинает чувствовать что-то ещё.

Что-то, что откликается на его одержимость...

Содержание

Глава 1. В кабинете психолога (Мирра)	5
Глава 2. Жизнь подруги (Мирра)	15
Глава 3. Измены мужа подруги (Мирра)	22
Глава 4. Звонок из прошлого (Мирра)	27
Глава 5. Симпатия (Мирра)	33
Глава 6. Звонок (Мирра)	44
Глава 7. Прогулка с Женей (Мирра)	48
Глава 8. Секс с Женей (Мирра)	59
Конец ознакомительного фрагмента.	69

МИКАЭЛА РАЙ

Я не отпущу тебя

Глава 1. В кабинете психолога (Мирра)

МИРРА

- Для чего тебе мужчина, Мирра?

Вопрос повис в воздухе кабинета, тяжелый и плотный, как дым от погасшей свечи. Я вздрогнула. Я не ожидала этого. По крайней мере точно не здесь и не сейчас...

Я сидела в глубоком бархатном кресле цвета грозового неба, поджав ноги под себя - символический жест, который, выдавал меня с головой, так называемая защитная поза. Поза маленькой девочки, которая хочет стать незаметной. На мне был свитер оверсайз песочного цвета, рукава натянуты на ладони так, как будто я пряталась в них от всего мира. На безымянном пальце левой руки тонкая белая полоска, след от помолвочного кольца, которого больше нет...

В кресле темно-изумрудного цвета, напротив, сидела Елена Викторовна. Знакомьтесь, это мой психолог.

Её темно-карие глаза ожидающе и в то же время без осуждения всё смотрели на меня. Просто смотрели. Но почему-то

от этого взгляда мне хотелось провалиться сквозь пол.

- Для чего? - переспросила я, и мой голос дрогнул. Я провела ладонью по лицу, размазывая тушь, которая давно уже растеклась и достигла уровня моих щечек. - Какой-то странный вопрос... В смысле - для чего? Для жизни. Для любви. И мне нужен не просто мужчина, а адекватный, стабильный и ...со здоровой психикой.

Да, именно такой. И, наверное, самое главное: для того, чтобы быть наконец стать счастливой!

- Счастливой? - медленно переспросила Елена Викторовна. - А что такое счастье для тебя, Мирра? Опиши мне его. Не словами из книг. Не фразами из фильмов, а своими словами.

Я замерла, но спустя пару мгновений заговорила:

- Это когда..., - начала я, и мой голос стал значительно тише... - Это когда он рядом. Когда я просыпаюсь утром, а он уже встал и сделал мне кофе и принес в постель. Поцеловал меня в губы, щеки, расцеловал всё мое лицо и сказал:

«Доброе утро, моя любимая»

Когда он забирает меня с работы, потому что на улице дождь, а у меня зонт остался дома. Да и даже не в зонте дело, а он приехал просто потому что сам так захотел - сделать хоть что-то приятное для меня.

Но, самое главное, когда он обнимает меня вечером, и я чувствую, что рядом с ним я в безопасности. Когда он... когда он заботится обо мне. Мне знакомо это ощущение, и я

хочу снова ощутить его.

Я замолчала и слезы снова подступили к моим глазам, но в этот раз уже не плакала.

Смотрела на психолога и будто ждала одобрения. Ждала, что та скажет: Да, это нормально. Это то, чего хочет каждая женщина. Ты молодец, дала правильный ответ.

Но Елена Викторовна молчала.

Тишина в кабинете стала густой. Ярко пахло лавандой. Где-то за окном шумел легкий дождь - тот самый, который, казалось, никогда не заканчивался.

- Продолжай, - тихо и мягко сказала психолог. Но в этом «продолжай» было что-то, от чего у меня сжалось сердце.

- Я хочу, чтобы он также закрывал все мои потребности. Это может звучать жестко, но я хочу ощутить каково это, когда ты не тянешь все сама, на своих хрупких плечах, а когда твой мужчина всегда прикроет тебя своей спиной во всех планах - и в финансовом, и в эмоциональном и в физическом, - Я знала о чем я говорю, вернее о ком, ведь в моей жизни уже был такой опыт и слезы снова подступили к глазам, но я продолжила отвечать на вопрос. - Чтобы мне не нужно было думать о том, как оплатить квартиру и не нужно было беспокоиться о том, что я устала, потому что я знаю, что сейчас он придет, меня обнимет и всё пройдет. Я так устала чувствовать себя одинокой. Я хочу, чтобы он всегда был рядом.

Всегда.

- Всегда, - повторила за мной Елена Викторовна. - Это важное слово, Мирра. Ты хочешь, чтобы мужчина был рядом всегда. Чтобы он закрывал все твои потребности. Чтобы ты могла расслабиться и... что дальше?

- Отдохнуть, - выпалила я и сразу пожалела об этом. Слово вырвалось, как птица из клетки. В душе мне действительно больше всего хотелось отдохнуть. От чего? Да от всего - от жизни, постоянной ответственности, принятия решений, даже от себя. Я устала всё нести на себе, не имея возможности опереться на кого-то. И это даже вообще не про финансы. Обеспечить себя я могу и сама, мне не хватает.... Мне не хватает его..., - но последнее предложение я решаюсь не озвучивать вслух и коротко добавляю. - И это состояние живет со мной почти целый год. После того случая...

Я закрыла лицо ладонями.

- Знаете, я не могу больше, Елена Викторовна. Я не могу больше быть одна. Почти год уже как я в этом статусе. Смешно, но я веду отсчет - триста двадцать три дня. Каждое утро я просыпаюсь, и первая мысль - я одна. Никому не нужная, как было в детстве, так и сейчас. Вечером я ложусь, и мои мысли перед сном - я одна. Я иду по улице, и вижу как пары держатся за руки, смеются, и у меня внутри всё сжимается. Я захожу в пустую квартиру и тишина бьет меня по лицу. Я включаю телевизор, чтобы было хоть что-то, чтобы не ощущать одиночество в пустой квартире. Вы наверное сочтете меня сумасшедшей, но и я еду заказываю на двоих, хотя ем

одна. Я... я просто видимо схожу с ума, - я подняла свои красные и опухшие от слез глаза на психолога и продолжала:

- Мне нужен мужчина. Мне сейчас ОН жизненно необходим. Я устала жить в одиночестве. Ведь у каждой твари должна быть пара. Почему же я не могу встретить адекватного, нормального, СВОЕГО мужчину? Ну какой мне надо стать чтобы он появился и остался в моей жизни и полюбил меня?

Елена Викторовна наклонилась вперёд и положила ладонь на подлокотник своего кресла. Это был жест, который должен был символизировать поддержку, но неожиданно её слова оказались острыми, как скальпель.

- Мирра, послушай меня внимательно. То, что ты описываешь, это не потребность в мужчине. Это потребность в костыле.

Я вздрогнула, как от удара молнии. - Что?

- Это потребность в костыле, - тихо и безжалостно повторила психолог. - Ты хочешь не мужчину. Ты хочешь функцию: функцию заботы, функцию безопасности, функцию заполнения пустоты. Ты хочешь, чтобы кто-то пришёл и забрал у тебя ты боль. Я понимаю, что тебе сейчас сложно услышать меня, потому что твоя боль становится невыносимой. Тебе действительно больно и ты ждешь чтобы кто-то пришёл и сказал: «Мирра, больше ты не тянешь этот мир одна. Сейчас у тебя есть я. А это значит, что теперь ты в порядке. Теперь ты целая»

Елена Викторовна была неправа лишь в одном...

Я не жду того, кто скажет что со мной все в порядке. Я всё еще ЖДУ ЕГО. Того, кто превращал мою жизнь в хаос и хотел, чтобы я принадлежала лишь ему одному.

Я ощутила резкую боль в области сердца и резко отмела эти мысли прочь. Какой дикой болью и по сей день отзываются мысли о нем...

После продолжительной паузы Елена Викторовна спросила:

- Мирра, что скажешь?

Я призадумалась и ответила:

- Но это же нормально, - мой голос стал резким, как треснувшее стекло. - Это нормально хотеть, чтобы о тебе заботились! Это нормально хотеть любви! Это нормально не хотеть быть одной и чувствовать себя нужной!

- Это нормально, - согласилась Елена Викторовна. - Но то, что ты описываешь, это не любовь. Это зависимость. Ты не хочешь партнера. Ты хочешь властного родителя. Ты хочешь, чтобы мужчина стал для тебя тем, кем не смогли стать твои родители. Тем, кто закроет все твои внутренние дыры. Тем, кто сделает тебя целой. Но вместе с этим, Мирра, такой мужчина может и уничтожить тебя... И ты будешь согласна на это.

Я хотела возразить Елене Викторовне и крикнуть: «Вы не правы! Я просто хочу любви!», но слова будто застряли в гортани. Потому что где-то глубоко внутри, там куда я так бо-

ялась заглядывать, я знала, что психолог права.

- Я... я не хочу быть зависимой, - прошептала она. - Я не хочу быть слабой. Мне нельзя быть слабой.

- Ты не слабая, - мягко сказала Елена Викторовна. - Мирра, ты просто устала нести всё это одна. Ты устала быть сильной. Ты устала делать вид, что тебе не больно. И это по-человечески понятно. Но Мирра...

Она сделала паузу и посмотрела на меня долгим, пронзительным взглядом.

- Пока ты ищешь мужчину, который закроет твои потребности, ты будешь притягивать тех, кто будет ими пользоваться.

Я замерла.

- Что вы имеете в виду?

- А ты подумай, - сказала психолог. - Подумай, какой мужчина захочет взять на себя роль «закрывателя всех потребностей»? Какой мужчина согласится быть для тебя родителем, спасателем, банкоматом, психотерапевтом и лучшим другом одновременно?

Я молчала. Я понимала, что Елена Викторовна сейчас идет совсем не ту степь, но я намеренно путала ее. Пусть она думает, будто я маленький ребенок, который ищет своего "спасителя" или "родителя". Я не хочу, чтобы она знала правду. Что я до сих пор люблю того, кто пытался сделать из меня...Нет, не сейчас. Я не хочу снова проживать это.

- Подумай, - продолжила Елена Викторовна.

- Нормальный, зрелый мужчина, тот которого ты так хочешь - он ищет женщину, равную себе, женщину-партнера, а не маленькую девочку, которую вечно нужно спасать. Мирра, как ты думаешь, в какой роли ты сейчас находишься?

Я посмотрела в окно. Дождь всё ещё шёл. Какой-то бесконечный серый дождь. Капли стучали по стеклу, сливаясь в мутные ручейки.

- Я не знаю, кто я сама, - тихо ответила я. - Я просто устала все тянуть сама. Скажите, как мне стать правильной?

Елена Викторовна встала с кресла и подошла ко мне. Она присела на корточки, и наши глаза оказались на одном уровне, и тут же ее теплая ладонь легла на мою руку.

- Мирра, послушай меня... Ты не дефектная. Ты не «неправильная». Ты просто... забыла себя. Ты долгое время отдавала себя всем кусочек за кусочком. Всем тем, кто был рядом и пользовался этим. И теперь внутри тебя пустота. Но ты ошибочно думаешь, что её заполнит мужчина.

Она сжала мою руку чуть крепче. - Эту пустоту можешь заполнить только ты сама. И когда ты станешь целой, когда ты научишься быть с собой в ладу и взрастишь в себе внутреннюю опору тогда к тебе придет твой мужчина. Не спасатель, не родитель, не функция, а именно партнер.

Я смотрела на неё. И, кажется, внутри меня что-то шевельнулось. Я не хотела расстраивать психолога и продолжала подыгрывать в этом диалоге, который по факту, ко мне никак не относился. Но сейчас мне надо врать более убедительно.

тельно и сворачивать этот спектакль. А рассказать чистую правду, такой какая она есть - про мой болезненный опыт, его последствия для моей психики и в жизни в целом, я пока не готова.

- А если я не смогу? - тихо спросила я.

- Сможешь, - уверенно сказала Елена Викторовна. - Милая, у тебя нет другого выбора.

Она встала, и взглянув на часы, сказала:

- На сегодня мы закончили, Мирра. Если тебе нужна будет моя помощь, звони мне и я выслушаю тебя.

Я медленно кивнула и направилась к выходу из кабинета. Надела пальто и намотала на шею мягкий кашемировый шарф. Это был подарок от ... , - я сразу оборвала мысль о том, кто мне это подарил и решила уточнить один момент:

- Елена Викторовна...

- Да?

- А как понять, что я готова? Что я уже целая?

Психолог по-доброму улыбнулась.

- Ты поймешь это, Мирра, когда перестанешь спрашивать: «Какой мне нужно быть, чтобы он меня выбрал?». И начнешь спрашивать: «Какой хочу быть Я, чтобы выбрать себя?»

Я вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. В коридоре пахло кофе и чьими-то сладкими духами. Где-то вдали плакал ребенок, а за окном всё ещё лил дождь. Я спустилась на лифте и вышла на улицу. Воздух на лице был холодный

и влажный.

Внезапно я подумала о том, как было бы здорово сейчас заехать в гости к своей подруге, бывшей коллеге по работе. Достав из сумочки телефон, я набрала своей подружке, Ульяне, и та с радостью ответила:

- Мир, заюш конечно приезжай. Витя на работе на сутках, кстати, у меня для тебя есть новость!!!

Глава 2. Жизнь подруги (Мирра)

Я поднялась на третий этаж старого дома в спальном районе. Лифт здесь стабильно уже не работал третий месяц и на двери красовалась рваная бумажка с надписью:

«Сломан. Ждём запчастей»

Видимо это объявление висит тут давно, так как за это время пожелтела и покрылась пылью.

Я поднялась по лестнице, тяжело дыша. Кашемировый шарф давил на шею, а свитер прилип к спине.

В груди всё ещё отдавалось эхом слова Елены Викторовны:

Эту пустоту можешь заполнить только ты сама.

Вот про пустоту она верно подметила. Прошел целый год, а заполнять ее я так и не научилась.

Но сейчас, стоя перед дверью подруги, я чувствовала себя маленькой девочкой, которой очень нужно, чтобы её кто-то обнял и сказал:

«Всё будет хорошо».

Я нажала на кнопку дверного звонка. Из-за двери донёлся детский плач, а за ним громкий, раздражённый женский голос:

- Даниил, я кому сказала! Не трогай брата! Ах ты ж..., - раздался звук шлёпка и плач моментально стал в разы гром-

че. - Сейчас я вам! Оба!

Неожиданно дверь распахнулась и на пороге стояла Ульяна.

Ульяне было тридцать восемь, но выглядела она на значительно старше. Волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди - жирные, тусклые. На лице следы усталости, которые не скрывал даже лёгкий тональный крем. Темные круги под глазами, мелкие морщинки вокруг рта, шелушащаяся кожа на скулах. На ней была растянутая домашняя футболка с каким-то мультяшным принтом, который давно уже потерял яркость, и спортивные штаны в пятнах. На ногах старые мохнатые тапочки, один из которых уже терял подошву.

От неё пахло детским питанием, стиральным порошком и чем-то едва уловимо кислым, может, прокисшим молоком, а может просто усталостью.

- Мирка! Заюш, заходи, заходи! - Ульяна расплылась в улыбке, но улыбка эта не достигала глаз. Глаза были мутными, потухшие. - Ой, прости, я уж в таком виде. Дети задрали, ей Богу! Как я рада тебя видеть, Мирка.

Она быстро обняла меня и сразу развернулась, зашагала вглубь квартиры, на лету проговаривая:

- Проходи, проходи. Садись где хочешь. Чай будешь? Я сейчас заварю. У меня тут ромашка есть, или будешь чёрный с бергамотом?

- На твое усмотрение, можно с бергамотом, - и я пошла

за ней.

Квартира была трёхкомнатной, но казалась тесной. В прихожей стояла гора детской обуви: маленькие кроссовки, резиновые сапожки, крохотные ботиночки. На полу разбросанные игрушки: машинки, кубики, какие-то пластиковые фигурки. На стене парочка детских рисунков, приклеенный скотчем: человечек с руками-палками и солнце с лучами-каракулями.

В гостиной, как всегда, хаос. На диване дежала гора неглаженного белья. На журнальном столике недоеденные бутерброды, пустые чашки, разбросанные фломастеры. На полу лежал коврик с алфавитом, по которому кто-то явно топтался в обуви. Из кухни доносился запах чего-то пригоревшего.

Мы с Ульяной прошли на кухню. Я обратила внимание, что где-то в глубине квартиры тихо плакал ребёнок.

- Это Артёмка, - бросила Ульяна через плечо, ставя чайник на плиту. - У него уже два дня температура не сходит. Тридцать восемь и пять. Безостановочно то рыгает, то поносит... Я уже не знаю, что делать. Нурофен дала - не помогает, хотя с предыдущими детьми он всегда справлялся на отлично. Врача вызывала, а те знаешь что сказали? Ждите! Вот я и жду уже третий день... Совсем распоясались врачи, жалобу на них надо накатать, - продолжала возмущаться Ульяна.

Я с улыбкой взглянула на Ульяну и подумала о том, что Ульяна - это тот человек, который давно привык к тому, что

жизнь - это бесконечная череда маленьких катастроф, особенно когда у тебя трое детей и все они только на ее шее.

Я присела на кухонный диван и огляделась вокруг.

- А дочка где? - спросила я, оглядываясь по сторонам.

- У бабушки, - ответила Ульяна, поворачиваясь с двумя чашками горячего ароматного чая. - Мама забрала на неделю. Она увидела меня и ужаснулась. Цитирую ее слова:

- Уля, что с тобой? Ты такая бледная стала. Срочно сходи к врачу и сдай все анализы. И гормон стресса обязательно еще проверь!!!

- Я и без проверки гормона стресса знаю, что он у меня есть и в максимальных пределах. Я с ума схожу уже дома с детьми. В общем поплохело маменьке от моего вида, что аж бабушкинские чувства проснулись и Лизку она к себе забрала на недельку.

Она поставила чашку передо мной и села напротив. Машинально я поджала ноги под себя, так как на диване не было места чтобы сидеть иначе.

- Ну, рассказывай Мирка, - сказала Ульяна, делая глоток.

- Как ты? Как себя чувствуешь... Ну, и в целом, на личном как?

Я посмотрела в свою чашку. Чай был мутным, с плавающими листиками.

- Нормально, - тихо ответила я. - Точнее... не нормально.

Но я работаю над этим. Вот начала ходить к психологу.

- К психологу? - удивленно спросила Ульяна. - Серьёзно?

А что, так плохо прям чтоли?

- Не то чтобы плохо, - здесь я помедлила. - Просто... я поняла, что мне нужно разобраться в себе. А именно в том, почему я притягиваю таких мужчин, как... Впрочем неважно.

Ульяна кивнула и будто задумалась. а затем спросила:

- И как? Помогает психолог?

- Знаешь, наверное да, она на многое мне помогает открыть глаза. Хотя, признаться честно, это бывае не совсем приятно. Но правда, помогает.

- Понятно, - сказала Ульяна. - Ну, это правильно. Разбираться в себе - это всегда правильно. А психологам я, честно сказать, не доверяю. Знаешь Мир, многие из них только и думают как высосать из людей побольше бабла. Вот так и находят своих жертв и из своей якобы "терапии" не выпускают годами. Им главное бабки, вот мозги и крутят.

В ответ я лишь улыбнулась. Ульяна поставила чашку на столик и близко наклонилась вперёд. И вдруг её голос изменился - стал тихим и мягким:

- Слушай, Мир... Я тут все думала о вас... Может, ты зря так погорячилась с Марком? Целый год уже никого найти не можешь. Мужик то хороший вроде был...

Я замерла и вдруг чашка в моих руках стала очень тяжёлой.

- Что? - переспросила я, хотя прекрасно расслышала вопрос в первый раз.

Я догадывалась, что этот разговор неизбежен, так как чув-

ствовала, что Ульяна может сказать что-то подобное. Но в глубине души была не готова сейчас обсуждать эту тему. Пока что это слишком больно. Но Ульяна не унималась, и чтобы не обидеть свою подругу, я продолжила разговор.

- Ну... я подумала, - Ульяна заговорила быстрее, словно боялась, что её перебьют. - Марк же... он нормальный. Мы хоть всего два раза виделись, но мужик то хороший. Ну, ошибся. Ну с кем не бывает? Мужики же... они все такие. Ну, изменил...Подумаешь. Вон, мой Витька...

Она махнула рукой, вспоминая все похождения своего любимого мужа и продолжила:

- Думаешь, мой не гуляет? Гуляет. Ещё как гуляет. Я же знаю. Я же сама лично два раза ловила. Два раза, Мир! Представляешь? Первый раз узнала когда Даниилу всего год был. Второй - когда Лизке пять месяцев. Знаешь, как узнала?

Я была шокирована откровением подруги, но молча продолжала слушать.

Я знала, что ее Витя не может похвастаться званием самого верного мужчины на этой планете. Каждый раз, когда мы встречались где-то в компаниях, он ни разу не упускал момента сделать комплимент незнакомым новым девушкам. Это были даже не комплименты, а открытые двусмысленные намеки. И это при живой жене рядом. Бывало, что он и ко мне свои яйца подкатывал, но сразу получал жесткий отпор от меня.

Когда об этом узнал мой бывший, Марк, на тот момент

мы с ним еще были парой, он подошел к Вите и глядя ему в глаза, уверенно и сухо сказал:

- Еще раз, увижу рядом со своей женщиной, за себя не ручаюсь. Ты знаешь, за своё - я порву.

С тех пор Витя со мной даже здороваться боится.

Глава 3. Измены мужа подруги (Мирра)

Ульяна глубоко вдохнула воздух в легкие и откинувшись на спинку дивана, продолжила свой рассказ.

- Первый раз спалился по смс. Он пошел в душ, а телефон остался на кухне. И в этот момент приходит сообщение:

"Вить, ты сегодня приедешь? Я свободна после 18:30"

- До этого я ему всегда доверяла. Когда он вышел из душа, я показала ему телефон с этим сообщением, а он даже глазом не моргнул. Ответил коротко и спокойно: "Это по работе". - Но тогда я так распереживалась, что решила ехать с ним. Придумала ситуацию, а-ля младшему памперсы купить надо, на обратном пути удобно будет заехать в магазин. А он сказал, что встреча резко отменилась.

- А ты что? - я сделала глоток чая с бергамотом и хотела поддержать подругу.

- А что я ? Потом он начал регулярно задерживаться на работе - то отчет надо доделать, то шеф вызывает в нерабочее время. Тут же появились неожиданные командировки, хотя раньше дальше Москвы никуда не отправляли. А потом моя мама совершенно случайно увидела его в одном кафе, где он сидел со своей любовницей и целовался с ней. Мама

запечатлела этот момент на фото и сразу же отправила мне. Сама она лезть к нему с разборками не стала, все-таки дело семейное...

Я вопросительно взглянула на подругу и она продолжила:

- Ну вечером того же дня я устроила скандал и сказала ему, чтобы выметался отсюда и ноги его здесь больше не было. Ой, Мир, видела бы ты тогда его испуганные глазки. Ну куда он пойдет то? К маме своей? Да и честно признаться, люблю я его сильно, не смогу жить без него. Да и дети у нас, а я ж не работаю. Так сказать, полностью на его содержании.

- Ульяна, так ты детей воспитываешь и растишь. Эта работа самая тяжелая и самая важная на свете.

- Ну да, я ж родила их, вот и воспитываю. А Витька зарабатывает и всем обеспечивает. Да мы не шикуюем, но по сути, ни в чем себе не отказываем. И это всё благодаря Вите.

- Ой, Ульян, тебя послушаешь, твой Витька прям золотой! - я почувствовала как мое внутреннее напряжение начало нарастать.

- Ну не без греха, Мир. Да и кого сейчас я найду? Не забывай, у меня еще трое деток есть... А так я знаю, ну погуляет, но домой-то все равно вернется, - сказала Ульяна и поставила на стол тарелку с турецкими сладостями.

Я сделала глубокий вдох и была в шоке от слов подруги.

- Ну а про вторую измену как ты узнала?

Ульяна потянулась за чашечкой чая и преподнесла к губам, резко вернула его на стол.

- У меня в тот день наушники сломались, и волей судьбы, Витька именно в тот же забыл свои наушники дома. Ну я думаю, сегодня послушаю аудиокнигу через его наушники. Настроила их под свой телефон и благополучно об этом забыла. С детьми то времени и так немного для своих дел. Ну ладно, решила я, вечером послушаю. И вот вечером, значит мы ужинаем, и тут Вите звонит его начальник. Ну это с его слов. Он вышел на балкон, а я в этот момент одним ухом слушала аудиокнигу и неожиданно моя аудиокнига остановилась и наушники подключились к его телефону и там я услышала женский голос:

- Мальши, ты сегодня был великолепен. Я уже соскучилась по тебе. Может снова приедешь и останешься на ночь со мной, как на прошлой неделе?

- Нет, детка. Прости, ну никак не получается. Увидимся завтра и повторим, моя принцесса. Целую тебя во все запретные места.

Я почувствовала полное отвращение к мужу своей подруги. К горлу подкатили неприятные ощущения.

- Знаешь, а ведь мне он таких слов давно не говорил. Я ведь уже давно не принцесса - заматалась с детьми, забила на себя...Сама виновата короче.

Мне было тяжело слышать такие слова от своей подруги. Мне захотелось обнять и поддержать ее и сказать, что все совершенно не так!

Но мне было непонятно одно: Почему Ульяна так защи-

щает и даже возвышает своего мужа и спускает ему такое предательство?

При этом о себе она говорит - сама виновата. Я видела, что подруга совершенно не уважает себя и не видит собственной ценности. Грубо говоря, ее муж вытирает об нее ноги, но откупается деньгами, а она готова закрывать глаза на его измены, и чувствовать себя никому ненужной и не реализовавшейся женщиной?

- И чем закончилась эта история? Он вернулся за стол, а дальше что?

- Когда он вернулся, я влепила ему пощечину. Он во всем сознался. Любовницей оказался новенькая коллега. Как он сам говорил - его бес попутал. Утверждал, что любит только меня и детей, больше ему никто не нужен. А на следующий день он сделал мне сюрприз - купил машину

- Зашибись, купил машину! Отмазался шикарно, - я смотрела на неё и чувствовала, как внутри меня что-то сжимается. - Знаешь, Ульяна вот лично у меня есть принципы. Для меня измена - это всё, конец, это точка. Я бы сама никогда не изменила. Никогда. Даже в мыслях бы себе такое не позволила. А ты...

Неожиданно Ульяна прервала ее:

- Ну и смотри где ты оказалась со своими принципами? Ты осталась одна. А я простила Мирра. Оба раза простила. Потому что... ну, мужик в семье есть. Он зарабатывает. Он крышу чинил. Он мне машину купил. С этих измен я тоже

нехило поимела, выжала максимум за его косяки. И, самое главное, мужик есть в семье. Какой никакой, но у детей есть отец, а у меня есть муж

Я сделала глубокий вдох и поняла что и эту встречу пора заканчивать.

Глава 4. Звонок из прошлого (Мирра)

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась с таким грохотом, что с косяка, кажется, посыпалась мелкая штукатурка. Но я даже не обернулась. Мои каблуки яростно впились в грязный, покрытый осенней слякотью асфальт двора, выбивая дробь, похожую на автоматную очередь.

- Главное, что мужчина в доме..., - прошипела я сквозь стиснутые зубы, с отвращением передразнивая интонацию подруги.

От этих слов меня буквально тошнило. В груди клокотало темное, вязкое чувство, подступая к самому горлу, сдавливая дыхательные пути. Я с силой провела ладонью по лицу, словно пытаюсь стереть с кожи этот разговор, этот чужой, пропитанный дешевыми компромиссами и запахом тушеной капусты уют.

Пальцы предательски дрожали. Я засунула руки глубоко в карманы пальто, сжимая ключи так, что острые зубцы больно, до синяков впились в нежную кожу ладони. Боль была сильноощутимой и очень хорошо заземляла. Она напоминала, что я живая, что моя нервная система все еще реагирует на абсурд, а не атрофировалась, как у Ульяны.

Как можно было это слушать и не сойти с ума? Ульяна сидела на своей кухне, и говорила о прощении измены так, будто это была досадная бытовая оплошность. Вроде разбитой чашки или пролитого на ковер вина.

- Ну, он же оступился, Мир. Зато зарплата хорошая, зато машину купил. Зато не пьет. Зато, Мир, я не одна. Ты же знаешь, как сейчас тяжело. Мужчина в доме - это опора...

Я судорожно втянула носом сырой, колючий воздух. В голове пульсировала, отдаваясь тупой мигренью, только одна мысль: животный страх. Не перед пресловутым одиночеством, а перед этим суррогатом жизни. Перед женщиной, которая превращает мужчину в предмет интерьера. В некий тяжёлый, громоздкий диван, который стоит в гостиной, пылится, иногда скрипит по ночам, но который выкинуть жалко. А на новый денег нет, да и спина к нему привыкла. Я считала, что Ульяна заслуживает лучшего.

Ускорила шаг, почти переходя на бег. Ветер хлестал меня по щекам. Выбившиеся из прически волосы, лезли в глаза, заставляя их слезиться, но я упрямо не поправляла шарф.

Мне нравилось это сопротивление стихии. Каждый порыв ледяного ветра словно выдувал из меня остатки жалости к тем, кто добровольно надевает на шею петлю и с гордостью называет это браком.

Внезапно я закусила нижнюю губу так сильно, что почувствовала теплый, металлический привкус крови. Сейчас это

был вкус моего собственного достоинства, которое я отказывалась разменивать на иллюзию безопасности.

Я свернула в старый парк. Фонари здесь горели вполсилы, отбрасывая длинные, ломаные тени на мокрую плитку. Я шла быстро, мое дыхание вырывалось изо рта белыми, рваными облаками, тут же подхваченными ветром. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим, болезненным эхом в висках.

- Хорошая девочка... - выдохнула я в пустоту, и голос сорвался на хрип. - Та, которая терпит. Та, которая закрывает глаза на чужую помаду на воротничке рубашки. Та, которая улыбается всем и варит борщ, когда внутри всё сгорает дотла от унижения.

Я с размаху пнула подвернувшуюся под ногу пустую банку из-под энергетика. Банка с противным, скрежещущим звуком улетела в голые кусты. Я остановилась, тяжело упираясь ладонями в холодную, шершавую чугунную спинку парковой скамейки, закрыла глаза и пыталась замедлить дыхание.

Вдох - выдох. Вдох - выдох. Вдох - выдох.

Но внутри всё равно бушевал пожар. Как люди могут так жить? Как они могут продолжать делить постель с человеком, который тебя предал? Каждое прикосновение такого мужчины должно было казаться ожогом. Каждое его доброе утро, каждый поцелуй в щеку - издевкой, пощечиной, плевром в душу.

Разве не так? Меня передернуло. По спине, прямо вдоль

позвоночника, пробежал ледяной холодок, заставив плечи инстинктивно сжаться, а голову вжаться в воротник.

И тут же, как по злему року, в памяти всплыло лицо Марка. Его взгляд, когда он впервые в жизни, пытался оправдаться. И его слова:

"Это ничего не значит, Мир. Не делай поспешных выводов. Ты не знаешь всей ситуации. Я должен был так поступить»

Я сжала кулаки так, что ногти оставили на ладонях глубокие белые полумесяцы. Марк оказался моей личной, самой масштабной катастрофой. Человек, который наглядно научил меня тому, что любовь может быть капканом, а самые нежные слова идеальной ширмой для предательства.

Мы расстались год назад. И этот год я по крупицам, по миллиметру, сквозь слезы и панические атаки собирала себя заново. Я научилась спать одна, занимая всю огромную кровать и раскинув руки. Я научилась сама вызывать сантехника, убирать пауков и вкручивать лампочки, стоя на шаткой стремянке. Я научилась существовать в этом мире без него.

Я была горда своей независимостью, своей невидимой броней, которую выстроила за год вокруг хрупкого я, чтобы больше никто и никогда не смог воспользоваться мной и ранить меня. Именно поэтому я и пошла к психологу, чтобы еще мощнее удержать эту внутреннюю опору и не скатиться в прошлый опыт.

Внезапно в глубоком кармане пальто настойчиво завибрировал телефон.

Я вздрогнула всем телом, едва не потеряв равновесие. Звук вибровозночка в звенящей тишине пустого парка показался мне оглушительным и похожим на тревожную сирену. Я замерла, на секунду испугавшись даже шевельнуться. Кому я могла понадобиться в десять часов вечера? А может это звонила Ульяна, решившая оправдаться и доказать, что она не жертва?

Дрожащими, непослушными пальцами я нащупала холодный металлический корпус смартфона. Экран вспыхнул, на секунду ослепив меня в полумраке резким голубым светом. Я прищурилась, фокусируя взгляд на высветившемся имени:

МАРК

Воздух в легких неожиданно закончился. Вдохнуть заново не получалось. Сердце пропустило удар, а затем тяжело рухнуло куда-то в пятки. В груди стало пусто, звонко и невыносимо холодно, словно там образовалась черная дыра.

Звонил Марк.

На экране висело уведомление из мессенджера. Я смотрела на это имя, и мне казалось, что я снова, сквозь расстояние и время, почувствовала его терпкий парфюм с нотками сандала и табака. Тот самый запах, который когда-то сводил меня с ума, а теперь снова в моем теле началась рефлексия. Это страшно. Это очень страшно.

Я сглотнула вязкую, пересохшую слюну. Большой палец завис над экраном. Нажимать было страшно. Физически страшно, до дрожи в коленях, словно за этой тонкой стек-

лянной дверцей притаился хищник, готовый снова разорвать меня и тщательно собранную жизнь на куски. Но любопытство, смешанное с ядом незавершенного гештальта и непрожитой боли, оказалось сильнее. Я медленно, почти невесомо тапнула по экрану.

Сообщение было коротким, и показалось таким пугающе будничным, словно между нами не было года молчания, криков, разбитой вдребезги посуды и моей души.

«Мирра, нам надо увидеться и поговорить. Я не могу без тебя»

Я медленно опустила руку вместе с телефоном. Экран погас, погрузив мое лицо обратно в спасительную тень.

Я стояла посреди аллеи, и вокруг меня словно вымер весь мир. Ветер затих, деревья замерли. Только где-то в глубине груди, в самом тёмном, пыльном её углу, медленно, с противным, протяжным скрипом начала открываться старая, наспех забитая ржавыми гвоздями дверь.

И из неё на меня смотрело моё прошлое.

Глава 5. Симпатия (Мирра)

Я открыла глаза за несколько секунд до того, как сработал будильник. В спальне было холодно, и я инстинктивно, по-детски плотнее укуталась в тяжелое пуховое одеяло, подтягивая колени к самой груди.

Телефон лежал на прикроватной тумбочке экраном вниз, словно какое-то страшное ядовитое насекомое, к которому лучше не прикасаться голыми руками. Но я знала, что он там. Знала, что внутри этого маленького черного монолита, за тонким стеклом, спрятано то самое сообщение. От того самого человека. По имени Марк...

Медленно, со скрипом в затекших суставах, я вытянула ногу из-под одеяла. Скрип был такой ощутимый, что невольно я подумала о том, что в ближайшее время надо бы снова возобновить занятия фитнеса с тренером. Иначе моим суставам будет не сладко.

Я рукой взяла телефон в руки и мои пальцы коснулись прохладного металла. Экран вспыхнул, вырвав меня из спасительного полумрака резким светом:

07:15 утра

И уведомление: «Марк: ...»

Большой палец сам по себе, минуя команды мозга, скользнул по экрану, открывая диалог. Пустое поле ввода манило,

как бездна, как открытый люк на темной улице, к которому опасно было приближаться.

Черт, ну почему он снова появился в моей жизни? И еще так неожиданно, когда я только начала забывать его. Это что, проверки Вселенной?!

Пальцы долго стучали по клавиатуре сенсорного телефона, выдавая разные варианты:

Марк, привет. Я....

Нет.

Марк, мы уже все обсудили.

Тоже нет.

Не пиши мне больше...

Слишком резко. А с ним так нельзя, я знаю, чем это может обернуться.

Я очень сильно хотела ответить ему. Но сделать это так тонко, что бы он ни в коем случае, не подумал, что все еще имеет власть надо мной... Нет, больше этой власти у него нет. Я уже не та девочка, которая была с ним тогда.

А может просто не отвечать? И включить полный игнор?

Но мне до боли, до спазматического сжатия в животе, хотелось ему ответить и высказать всё то, что я высказывала ему последние 9 месяцев в невидимом разговоре с ним.

Набрать эти буквы, со всей силы нажать «отправить»... Но тут я неожиданно вспомнила о вчерашней ссоре с подругой и в иной раз убедилась в том, что скорее до конца своей жизни останусь в одиночестве, чем стану тенью мужчины,

который не ценит и не уважает меня. Которому изменить и предать своего самого близкого человека - ничего не стоит. Но в наших отношениях, это было еще не самое страшное... Он подчинял всю мою волю и делал со мной всё, что захочет.

В отношениях с Марком, я полностью стала его собственностью.

Я судорожно втянула воздух сквозь стиснутые до боли зубы и заблокировала экран. Черное зеркало отразило мое усталое лицо с красными, воспаленными от недосыпа глазами. И промелькнула мысль:

Молчание - это единственное, чего он не ожидает. Я знаю его. Молчание для него будет ударом похлеще любого дерзкого ответа.

Офис компании «Строй-Оптима» встретил меня привычным, убаюкивающим гулом. Гулкая акустика огромного open-space поглощала стук десятков клавиатур, шорох бумаг, приглушенные голоса менеджеров, монотонно бубнящих в гарнитуры.

Я зашла здание и поздоровавшись с охраной, прошла к лифту.

- Вам на какой этаж? - мило спросила девушка, вошедшая в лифт вместе со мной.

- Мне на третий, - ответила я и мы поехали.

Зайдя в свой офис, я скинула пальто на спинку кресла,

провела ладонью по волосам, поправляя выпавшую прядь и почти сразу приступила к работе.

Я работаю менеджером по закупкам. И, без тени скромности, директор не раз отмечал, что я - профессионал своего дела. Честно, я любила свою работу. Почему? Может потому что здесь я не чувствовала себя одинокой или разбитой. На это здесь просто не было времени. Работы было много и я полностью погружалась в этот процесс.

Начальство уважало меня и ценило ее как сотрудника.

Мирра - ты наш незаменимый винтик, - как-то на общем утреннем собрании сказал Павел Михайлович.

Я умела ловко договариваться о скидках с поставщиками металлопроката, выбивала отсрочки платежей и умела одним ледяным тоном голоса заставить менеджера на том конце провода извиниться за срыв сроков.

Я села за свой стол, огражденный двумя большими мониторами, которые служили мне надежным, непробиваемым щитом от остального мира. Открыла Excel и снова таблицы, цифры, колонки, сводные отчеты.

- Доброе утро, Мирр, - громко поздоровалась голубоглазая брюнетка, проходя мимо с пачкой тяжелых папок, от которых пахло пылью и сладкими духами. Это была Ленка из бухгалтерии. Иногда пересекались с ней во время обеденного перерыва.

В ответ я лишь коротко кивнула, даже не поднимая глаз от монитора. Обычно я всегда приветлива, но сегодня мне

очень хотелось быть незаметной. Если была бы такая возможность, я бы накинула мантию-невидимку и закрылась от целого мира.

Я сидела за своим столом, надежно отгороженная от мира двумя большими мониторами, и смотрела в таблицу Excel. Но цифр я не видела. В голове всё ещё пульсировала, отдаваясь тупой болью в висках, вчерашняя ссора с Ульяной и то самое, оставшееся без ответа, сообщение Марка.

И неожиданно воздух вокруг моего стола изменился.

Это произошло не сразу: сначала ушел запах озона от копировального аппарата и дешевых сладких духов из бухгалтерии. Затем ему на смену пришел густой, сложный аромат: сандал, черный перец и что-то неуловимо прохладное, похожее на запах свежего мокрого асфальта после первого осеннего ливня. Я почувствовала это затылком, тем самым древним инстинктом, который у женщин моего поколения был безнадежно сломан и перенастроен на ожидание угрозы. Мои плечи инстинктивно напряглись, позвоночник вытянулся в струну, а пальцы замерли над клавиатурой.

Я медленно обернулась. За моей спиной стоял Женя.

Женя работал в отделе логистики, и я всегда знала, что он есть где-то рядом, за матовой стеклянной перегородкой, но сегодня я впервые по-настоящему, так пристально смотрела на него. В нем не было той хищной, нарочитой, глянцевої красоты, которую я привыкла ассоциировать с мужской привлекательностью. Он был совершенно другим.

На нем был темно-синий свитер крупной, грубой вязки с высоким воротом, который делал его похожим не на офисного клерка, а на капитана рыболовного траулера или архитектора, который строит дома в горах. Свитер мягко облегал его широкие плечи, и я с каким-то странным, почти гипнотическим интересом отметила, как ткань натягивается на спине, когда он слегка наклоняется. Рукава свитера были небрежно, но аккуратно закатаны ровно до середины предплечий, открывая сильные руки, покрытые редким темным пушком. На запястье левой руки тикали часы с потертым кожаным ремешком и поцарапанным сапфировым стеклом. Было очевидно, эта вещь видела многое и не нуждалась в доказательстве своей ценности.

Он подошел не торопясь, с той ленивой, тяжелой грацией крупного зверя, который абсолютно уверен в своей безопасности и не считает нужным никому ничего доказывать. В правой руке он держал два белых картонных стаканчика из кофейни на первом этаже. Он не просто подошел к моему столу - он словно занял собой всё пространство вокруг, вытеснив суету и тревогу.

- Привет, - его голос был низким, с легкой, обволакивающей хрипотцой, которая, казалось, вибрировала прямо в груди, заставляя мое сердце пропускать удары чаще.

- Привет, Женя, - я откинулась на спинку кресла, инстинктивно пытаясь создать между нами дистанцию, скрестив руки на груди. В психологии это называется защитный жест.

Я же считала, что это жест девочки, которая привыкла, что сейчас её начнут оценивать, критиковать или использовать. Ну да, защитная поза.

Но Женя не стал нависать надо мной. Он не стал садиться на свободный стул, незаконно вторгаясь в мою зону комфорта. Вместо этого он легко, почти невесомо оперся бедром о край моего стола, соблюдая ту неуловимую грань, когда физическая близость есть, но давления нет. Он аккуратно, стараясь не задеть лежащие рядом бумаги, поставил один из стаканчиков на свободный уголок стола. От картонной манжеты шел густой, горячий пар, пахнувший жареными зернами и корицей.

- Флэт уайт на миндальном, - Женя улыбнулся и протянул мне один стаканчик. Я сразу заметила как преобразилось его лицо.

В уголках его темно-карих, почти черных глаз, залегли мелкие, лучистые морщинки. У него была легкая, едва заметная щетина, которая не выглядела неряшливо, а лишь подчеркивала тяжелую, волевою линию нижней челюсти. Но больше всего меня поразил его взгляд. Когда мужчины смотрели на меня, я всегда чувствовала этот липкий, сканирующий процесс: они оценивали мою грудь, талию, прикидывали статус, мою доступность или сразу пытались найти мою слабость. А у Жени взгляд был совершенно другим. Он смотрел мне прямо в глаза, и в этом взгляде было такое спокойное, глубокое, почти пугающее принятие, что у меня пере-

хватило дыхание. Он смотрел на меня так, словно я была не функцией, а самым интересным и сложным явлением в этом шумном помещении.

- Я тут подумал... - он начал говорить и в этот момент поднес свой стаканчик к губам.

Я, словно замороженная, следила за его движениями. Его пальцы длинные, сильные, с аккуратно, но коротко остриженными ногтями и небольшой, грубой мозолью на боковой стороне указательного пальца обхватили горячий картон.

Он сделал медленный, вдумчивый глоток, не отрывая от меня глаз. Густой пар вился между нами, создавая легкую, интимную дымку, которая на секунду отрезала нас от гула офиса, звонков и ото всяких проблем.

- Я подумал, что та партия арматуры от «УралМетта», которую мы ждем в пятницу, может застрять на таможне из-за новых санкций на металлопрокат, - продолжил Женя, чуть опустив стаканчик. Он говорил ровно, без надрыва, без свойственного многим мужчинам желания подавить собеседника своей экспертностью. - Ты случайно не знаешь, их брокер уже подал декларацию? Мне кажется, нам стоит подстраховаться и заранее забить место на складе, если они опоздают на сутки.

Я моргнула, на секунду полностью выпадая из реальности. Он что, спрашивал моего совета? Мой мозг, привыкший к постоянным микроагрессиям и скрытым манипуляциям, лихорадочно пытался найти подвох.

Где здесь капкан? Где здесь попытка свалить на меня чужую работу?

Но подвоха, кажется, не было. Был только этот спокойный мужчина с теплыми глазами, который видимо искренне ценил мой интеллект.

Мои отлаженные защитные механизмы дали сбой. Все-таки работа с психологом видно проходит не зря.

Я почувствовала, как предательски теплеют щеки, как кровь приливает к лицу, заставляя кожу гореть. Я незаметно опустила руки под стол и сжала ладони в кулаки, чтобы скрыть их дрожь.

- Брокер подал вчера вечером, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал тверже, профессиональнее, с той самой ледяной прохладцей, за которую меня уважали поставщики. - Но я им позвоню через час, и если будут тормозить, пну их. И склад я забронирую сама, у меня там знакомый логист. Чтобы к пятнице всё было на площадке.

Женя медленно выдохнул, и его плечи, до этого едва заметно напряженные, расслабились.

- Ты спасительница, Мирр, - он снова улыбнулся, и на его левой щеке появилась глубокая, очаровательная ямочка, которая делала его суровое лицо по-мальчишески открытым и обезоруживающе нежным. - Без тебя бы мы тут давно утонули в собственных отчетах и извинениях перед прорабами.

Он сделал еще один глоток кофе, и его взгляд снова скользнул по моему лицу, но на этот раз, он задержался чуть

дольше. Похоже он смотрит на тени под моими глазами, которые я так старательно пыталась замаскировать консилером. Смотрел на то, как я нервно покусываю внутреннюю сторону щеки. Смотрел на мои руки, спрятанные под столом. В его взгляде не было жалости. В этом взгляде была какая-то тихая мужская готовность встать между мной и всем миром, если это понадобится.

Господи, о чем мои мысли вообще! Он просто спросил совета по работе...Так, соберись, Мирра.

- Это моя работа, Женя.

Я отвела взгляд, сосредоточившись на узоре из кофейных пятен на своем столе, боясь, что если посмотрю ему в глаза еще хоть секунду, то просто потеку прямо здесь, над таблицей с арматурой. Слишком много тепла исходит от этого мужчины. Слишком непривычно для меня.

Моя душа, покрытая коростой от предательств, еще не знала, как реагировать на бережное отношение.

- Знаю, - он слегка наклонил голову, и его голос стал тише, интимнее, перекрывая гул офиса. - Но иногда, Мирр мне кажется, что ты тащишь на себе не только закупки, но и весь наш отдел логистики, а заодно и чьи-то чужие проблемы.

Он сделал паузу, и я почувствовала, как воздух между нами наэлектризовался.

- Ты когда в последний раз просто отдыхала, Мирр? - спросил он.

От этого вопроса у меня физически сжалось в груди.

Словно кто-то туго затянул невидимый корсет вокруг ребер. Горло словно перехватило спазмом. Я уже собралась открыть рот, чтобы ответить дежурной шуткой и отмахнуться, но не смогла издать ни звука.

Женя почувствовал это и не стал давить. Он медленно оттолкнулся от стола, выпрямляясь во весь свой рост, и его тень на секунду накрыла меня, даря странное, мужское чувство защищенности, которое я уже начала забывать.

- Если что... я за перегородкой, - он кивнул в сторону своего стола. - И кофе я беру не только для того, чтобы согреться. Если нужно будет просто поорать на кого-то, или сходить напиться в обед, или просто посидеть в машине и посмотреть на дождь... я могу побыть твоим личным слушателем.

Он подмигнул мне, легко коснулся двумя пальцами края моего стола в прощальном жесте и пошел обратно к себе. Я смотрела на его широкую спину, на то, как грубая вязка свитера скользит по его плечам. Внутри меня творилось что-то странное, одновременно пугающее и прекрасное. И это определенно было не то разрушительное, сжигающее всё дотла цунами страсти, к которому я привыкла с Марком.

Это было похоже на тихий, теплый свет настольной лампы в промозглый дождливый вечер. И это пугало меня гораздо больше, чем открытая агрессия. Потому что к боли и предательствам я была готова, а вот к теплу, как оказалось, нет.

Глава 6. Звонок (Мирра)

Вторая половина дня пролетела очень быстро.

Я провела три срывающих голос созвона с поставщиками из Китая, выбила скидку в четыре процента на цемент и согласовала спецификацию для нового тендера. Но фоном, как навязчивая, заевшая пластинка, в голове крутилось:

- Ты когда в последний раз просто отдыхала, Мирр?

И запах сандала, который, казалось, всё еще витал где-то совсем рядом.

Часы на мониторе показывали 17:42. Офис стремительно пустел. Гул стихал, оставляя лишь редкие щелчки мышек, шорох курток в гардеробной и шум дождя, который начал с силой хлестать в огромные панорамные окна. Я позакрывала вкладки браузера, потирая затекшую шею, готовясь уходить в сырые, неприветливые осенние сумерки, и тут неожиданно завибрировал телефон.

Он лежал на столе, и его резкая, настойчивая, противная вибрация заставила меня вздрогнуть всем телом, едва не уронив тяжелую кружку с остывшим чаем на клавиатуру. Я медленно опустила глаза, и моё сердце тут же рухнуло куда-то в ледяную бездну страха и волнения.

На экране высветилось имя: «Марк»

Я уставилась на светящиеся буквы, и моё дыхание стало

частым и быстрым. Я не ответила на вчерашнее сообщение, просто решила проигнорировать его. И ему это точно не понравилось...

И вот он, привыкший всегда быть главным, всегда получать то, что хочет, всегда держать меня на коротком поводке своих эмоций, начал терять контроль. Моё молчание было для него сравнимо с оскорблением, или даже вызовом.

Звонок сбросился. Экран погас.

Я закрыла глаза, пытаюсь замедлить пульс, стучащий в висках. Может он случайно набрал?

Прошло ровно три секунды.

Телефон снова вспыхнул, заливая стол голубым светом, и задрожал, скользя по гладкой, лакированной поверхности стола, издавая сухой, скрежещущий звук.

И это снова Марк.

Я сжала губы в тонкую, жесткую нитку, до боли в скулах и протянула руку к телефону. Мой указательный палец дрожал, но я сбросила вызов. Внутри меня, где-то в районе солнечного сплетения, начала разрастаться холодная, липкая тревога.

Но ОН не отступал. Он чувствовал, что я ускользаю. Что та «хорошая девочка», которую он мог подчинить себе, сейчас начала показывать характер и отказывалась слушаться и повиноваться ему.

Не прошло и десяти секунд, как телефон буквально подпрыгнул на столе. Вибрация стала какой-то злой, непрерыв-

ной и требовательной. Марк названивал раз за разом. Без пауз.

Я чувствовала его злость, так как знала, что он не привык, чтобы ему отказывали. Он не привык, чтобы мое молчание было громче его слов.

Я еще раз посмотрела на светящийся экран, и с каждым новым беззвучным, яростным толчком телефона по столу, внутри меня, поверх старого животного страха, поверх ноющей, непрожитой боли, вдруг начала прорасти довольная ухмылка.

Я вспомнила взгляд Жени. Вспомнила его спокойные руки, державшие горячий кофе. Вспомнила, как он спросил, когда она в последний раз отдыхала?

Я медленно протянула руку и мои пальцы, больше не дрожа, легли на холодный металл корпуса. Телефон трясся в моей ладони, как пойманная в капкан, бьющаяся в истерике птица. Я посмотрела на имя человека, который когда-то был для меня центром вселенной, а теперь был просто источником токсичного шума, который пытался подшатнуть ту внутреннюю опору, которую я так тщательно взращивала за это время.

Нет, милый. Больше я не подчиняюсь тебе. Птичка выпорхнула из гнезда.

Я медленно, осознанно и с наслаждением нажала кнопку «Выключить звук».

Экран погас. Телефон продолжал беззвучно, судорожно

дергаться в моей руке, но он больше не мог до меня достучаться. Я бросила его в сумку, застегнула молнию и, впервые за последний год, почувствовала, как моя грудь наполняется воздухом.

Сейчас руль в моих руках.

Глава 7. Прогулка с Женей (Мирра)

Я выхожу из офиса и чувствую, как тёплый октябрьский вечер ложится на мои плечи мягким, золотистым покрывалом, и улыбка сама расплывается по моему лицу - широкая, местами может быть глупая, совершенно неуместная для женщины, которая только что провела восемь часов за таблицами с поставщиками металлопроката.

Но мне абсолютно всё равно, потому что внутри меня прямо сейчас происходит что-то настолько светлое и пьянящее, что я готова рассмеяться вслух прямо посреди тротуара.

Я не ответила Марку.

Ни на сообщение. Ни на первый звонок. Ни на второй. Ни на тот третий, когда телефон трясся на столе, как пойманная в капкан птица, и я просто смотрела на его имя на экране и чувствовала, как внутри меня растёт не страх и боль, те гнетущие ощущения, которые жили во мне целый год, а чистый, горячий, почти детский азарт, как будто я перепрыгнула пропасть, которую не могла перепрыгнуть двенадцать месяцев, и приземлилась на другом берегу, и ноги мои не подогнулись, и я стою, и я дышу.

И, самое главное, я живая. И Я выбираю себя.

Впервые за очень долгое время я выбираю не его, не Ульяну с её жалким «мужчиной в доме», не ту удобную, тихую,

«хорошую девочку», которая проглатывала чужую помаду на воротничке, готовила уйму разных блюд после работы для мужчины, который этого не ценил и называла это любовью, а себя.

Это ощущение такое новое, такое непривычное и тёплое, что у меня подкашиваются колени и мне приходится остановиться посреди тротуара и сделать глубокий вдох, чтобы не закружилась голова.

Ветер шевелит волосы на висках, забирается под воротник блузки, скользит по шее прохладными пальцами, и я чувствую каждый миллиметр своей кожи, каждый свой вдох и каждый удар сердца.

И всё это живое, тёплое, настоящее, и я хочу, чтобы это чувство не заканчивалось. Я хочу продлить его настолько, насколько это возможно, чтобы оно разливалось по венам и даже по кончикам пальцев, заполняя все те трещины, которые я носила в себе целый год.

Мне хочется отпраздновать это. Но сделать это не в одиночестве перед телевизором, и не с психологом, который спросит: «А что вы чувствуете прямо сейчас?», а с кем-то тёплым и настоящим. Кто не будет тянуть меня на дно и требовать от меня быть удобной и покорной, а просто будет рядом и будет дышать тем же воздухом, что и я.

И я думаю о Жене.

Просто думаю... Без особого плана, без той холодной, выверенной стратегии, которой я обычно выстраиваю свою

жизнь. И его лицо всплывает в памяти само собой: тёмно-карие глаза с морщинками в уголках, свитер крупной вязки, голос с хрипотцой, который вчера спросил меня «Ты когда в последний раз просто отдыхала?», и от этого воспоминания мои губы сами ползут вверх, и я чувствую, как что-то тёплое и щекотное поднимается от желудка к горлу.

Я достаю телефон из сумки, нахожу его контакт - «Женя / логистика». И мой палец на секунду замирает над кнопкой вызова. Но не потому что я боюсь или сомневаюсь, а потому что мне хочется продлить этот момент, эту секунду между «я ещё не позвонила» и «я уже звоню», в которой всё ещё возможно, всё ещё открыто, всё ещё не определено...

Я делаю глубокий вдох и чувствую, как воздух наполняет грудь и нажимаю на вызов.

Гудки звучат в ухе мягко, почти лениво, и я смотрю на вечернюю улицу, на то, как солнце садится за крыши домов и красит небо в персиковый и лиловый, и чувствую, как мои плечи расслабляются, опускаются, как челюсть разжимается, как тот узел, который я носила в животе со вчерашнего вечера, наконец-то начинает медленно, по миллиметру, распускаться.

- Женя, привет, это Мирра, - говорю я, когда он берёт трубку. Мой голос звучит легко, свободно и почти весело. Я даже сама удивляюсь этому звуку, потому что привыкла слышать от себя совсем другое.

На том конце провода повисает короткая пауза, и я заме-

чаю, как меняется его дыхание, как чуть поднимается тон и в голосе появляется та самая мягкая улыбка, которую я вчера видела на его лице.

- Мирра, привет, не ожидал услышать тебя вне рабочих вопросов про арматуру, - отвечает Женя он, и я слышу его добрую ухмылку через телефон,

- Честно, Женя я тоже не ожидала, что позвоню, - отвечаю я и неожиданно смеюсь. Этот смех вырывается из меня легко и свободно, как пузырьки из открытой бутылки шампанского. - Слушай, вечер такой тёплый, и погода классная... И я подумала, что может быть мы увидимся и просто прогуляемся?

Я чувствую, как он улыбается шире, и его голос становится тише, как будто он придвинул телефон ближе к губам.

- Без арматуры я даже не знаю как разговаривать, это же основа моего существования, но я готов попробовать, если ты готова рискнуть, - говорит он, и я чувствую, как его слова ложатся на мою кожу тёплой волной, как солнце, которое только что вышло из-за облаков.

- Через двадцать минут у Патриарших? - предлагаю я, и мой голос звучит так легко, что я сама себя не узнаю.

- Через двадцать минут, - подтверждает он, и я слышу в его голосе ту же лёгкость и то предвкушение, которое живёт сейчас у меня в груди.

Я отключаюсь и стою посреди тротуара с телефоном в руке, и чувствую, как ветер обнимает меня за плечи. Тёплый

воздух пахнет липами и нагретым асфальтом, и где-то внутри меня разливается что-то золотистое. Я иду к метро лёгким, почти летящим шагом, а мои каблуки стучат по плитке ритмично и весело.

Патриаршие пруды в середине октября - это отдельный вид волшебства, который можно почувствовать тем особым чувством, которое просыпается внутри, когда ты идёшь вдоль воды и видишь, как розовое небо отражается в тёмной глади пруда, и фонари ещё не зажглись, а воздух пахнет нагретой листвой, и где-то далеко играет музыка, и всё вокруг мягкое, тёплое, неспешное...

Я вижу его издалека.

Женя стоит у ограды пруда, засунув руки в карманы, и его голова чуть запрокинута назад. Он смотрит на небо, и в его силуэте, в том, как он стоит и смотрит вверх, чувствуется столько спокойствия и полное абсолютное присутствие в этом моменте, что я на секунду останавливаюсь и просто смотрю на него. И что-то внутри меня отзывается на это спокойствие, как струна, которая вибрирует в ответ на другой звук.

Я подхожу ближе и Женя оборачивается, видимо слыша как мои каблуки стучат по брусчатке. Его лицо озаряется той самой тёплой, чуть ленивой улыбкой с морщинками в уголках глаз и ямочкой на левой щеке.

- Привет, - его низкий голос с хрипотцой ложится на мою кожу как тёплое полотенце после душа, и я чувствую, как

мурашки пробегают по моим плечам.

- Привет, - отвечаю я и мой голос звучит мягко, почти мурлыкающе, что я сама не перестаю удивляться своей лёгкости.

- Готова к прогулке без упоминания о поставщиках и арматуре? - с улыбкой спрашивает Женя. И его улыбка проходит через меня вибрацией, и я ярко ощущаю, как что-то внутри меня отвечает на этот смех. Что-то, что спало очень долго и только сейчас начало просыпаться.

- Да, готова, - с улыбкой отвечаю я.

Мы идём вдоль пруда, и наши плечи почти соприкасаются, но мы не касаемся друг друга. Между нами еще десять сантиметров тёплого вечернего воздуха. Этот воздух между нами нагревается, становится гуще, но мне не хочется сокращать это расстояние, потому что в нём столько нежности и тёплого предвкушения, которое бывает только в самом начале чего-то нового. Но я не хочу об этом думать. Это просто прогулка с коллегой, который сейчас согласился побыть моим другом.

- Хочешь кофе? - спросил Женя и посмотрел на меня.

- Не откажусь, - ответила я

- Здесь делают очень вкусный кофе, - Женя указал на кофейню, которая находилась в парочке метров от нас. - Какой кофе будешь?

- Я буду латте. А ты?

- Я люблю американо, - ответил Женя и сделал заказ ба-

ристе.

В этот момент я начала открывать свою сумочку, чтобы достать деньги для оплаты за кофе, но Женя неожиданно перехватил мою руку и посмотрел мне в глаза:

- Ты что делаешь? - Женя изменился во взгляде и вопросительно посмотрел на меня. - Поверь, я не настолько беден, чтобы позволить девушке платить за себя. - Убери, - сказал он, глазами показывая на мой кошелек. - И больше никогда так не делай, пожалуйста.

Я привыкла, что за меня всегда платит Марк. Вернее, платил. Но это было так давно... А после Марка, я даже на свидания ни с кем не ходила. В последнее время, в соцсетях, мне часто попадались ролики о том, что сейчас мужчины не любят платить за девушек, даже устраивали скандалы и сбегали со свидания, что выступают за деление счета пополам. Хотя, я считаю, что это совсем не по-мужски.

Но, Женя - это же не мой парень, да и не свидание у нас сейчас. Хотя его реакция и ответ, честно признаться, мне очень понравились.

- Хорошо. Спасибо, Женя, - ответила я и обхватила стаканчик латте обеими руками, согревая их.

- Знаешь, я сегодня весь день думал о том, что ты сказала про брокера, и понял, что ты самый страшный человек в нашем офисе, - сказал смеясь Женя, глядя на воду, в которой отражается розовое небо.

Я фыркаю и чуть не давлюсь кофе, и он смотрит на меня

с притворным ужасом, и я чувствую, как смех поднимается из моего живота, проходит через грудную клетку и вырывается наружу. Этот смех настолько громкий, свободный и настоящий. Боже, я впервые смеюсь так, как не смеялась очень давно.

Мы говорим обо всём и ни о чём, и каждое слово ложится на душу легко и тепло, как тёплый мёд, стекающий по стенкам чашки, и я рассказываю ему, что в детстве хотела стать ветеринаром, но испугалась крови. Женя рассказывает что хотел стать лётчиком, но понял, что не любит высоту.

Я чувствую, как каждый звук входит в меня и заполняет все те пустые места, которые были внутри так долго.

А потом мы сворачиваем на Малую Бронную. Фонари зажигаются и их тёплый золотистый свет ложится на лицо Жени мягкими тенями. Я смотрю на него, на линию его челюсти, на тёмную щетину, на то, как ветер шевелит прядь волос над его лбом, и чувствую, как внутри меня поднимается что-то новое, что-то тёплое и любопытное, как кошка, которая вытягивает лапу и трогает незнакомый предмет.

- Жень, а почему ты развёлся? - спрашиваю я, и вопрос слетает с моих губ раньше, чем я успеваю его обдумать. Резко захотелось прикусить себе язык, потому что это слишком прямой вопрос. Кто я такая, чтобы спрашивать такие личные подробности... Однажды Вероника упоминала, что наш логист развелся с женой, показывая на Женю, и почему-то мой мозг решил вспомнить эту информацию прямо сейчас.

Но на удивление, он не напрягается и не закрывается. Желая сделать глоток кофе и смотрит на небо, и его лицо в свете фонарей выглядит спокойным, открытым, без тени той боли, которую я привыкла видеть на лицах людей, говорящих о прошлом.

- В одно утро мы оба поняли, что просто стали чужими друг другу. Он отвечал спокойно. Без драмы и без попыток сделать из этого трагедию. - Расстались тихо и без скандалов. Предвкушая твой вопрос, отвечу сразу - измен ни с моей ни с ее стороны не было. Желание развестись было обоюдным - без грязи, дележки имущества и адвокатов.

Я слушаю его и чувствую, как его слова оседают внутри меня тёплым мягким светом, и я понимаю, что вот так выглядит взрослость. Настоящая, взрослость, которая не прячется за иронией и не прячет боль за агрессией, а просто принимает и отпускает, и от этого понимания у меня перехватывает горло.

- А сейчас ты свободен? - спрашиваю я тихо, и мой голос звучит мягко, но осторожно, как рука, протянутая к бабочке, которая может вспорхнуть в любой момент.

Он поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза. Его взгляд тёплый и спокойный, без тени кокетства, и без того оценивающего скольжения, к которому я привыкла. Я всем телом ощущаю, как его внимание ложится на мою кожу мягким, тёплым покрывалом.

- Да, свободен, - отвечает он. - Три года без отношений,

без «всё сложно» и разных других незакрытых гештальтов.

На его слова внутри меня что-то откликается.

Мы идём дальше и некоторое время молчим. Но это молчание не пустое молчание. Оно похоже на теплый плед, в который закутываешься после долгого дня. Невольно замечаю как наши шаги совпадают.

Мы доходим до конца Малой Бронной и останавливаемся. Теплый вечер обнимает нас обоих. Фонари горят золотистым светом, и где-то далеко смеются люди. Я смотрю на Женю. Он чувствует это, поворачивает голову и смотрит на меня, и между нами те самые десять сантиметров воздуха, которые за эту прогулку стали теплее, и я чувствую, как внутри меня что-то вспыхивает маленьким, тёплым, золотистым огоньком, как первая звезда на вечернем небе.

- Спасибо, Жень. Спасибо, что не отказал и согласился прогуляться со мной.

Он тепло улыбается, с той самой ямочкой на щеке, и засовывает руки в карманы, и чуть покачивается на пятках. И в этом жесте столько мальчишеского обаяния, что у меня перехватывает дыхание.

- Я не знаю, как это сказать, чтобы не звучало странно, - говорит он, и его голос звучит чуть тише обычного, чуть смущеннее, и эта смущенность на его лице, с его щетиной, с его широкими плечами, с его взрослым, спокойным взглядом, выглядит так по-настоящему, что мне хочется протянуть руку и коснуться его щеки.

- Мне было хорошо сегодня, - продолжает он, глядя на меня своими тёплыми, тёмными глазами. Если ты еще захочешь провести время в моей компании, я бы с удовольствием повторил этот процесс.

Я смотрю на него и чувствую, как мои губы растягиваются в улыбке, и что-то внутри меня отвечает ему.

- Я, наверное, точно этого захочу, Жень, - говорю я без стеснения. При этом мой мой голос звучит мягко, безо всякой брони, которую я носила целый год.

Он кивает медленно, и его глаза смотрят на меня так, словно я сказала ему что-то очень важное. Тепло разливается по всему моему телу: по моей груди, по рёбрам, по кончикам пальцев, и мне хочется стоять здесь вечно, под этими фонарями, с его голосом в ушах и его улыбкой перед глазами.

- Я провожу тебя. Ты не против? - спросил Женя и мы направились в сторону моего дома

Глава 8. Секс с Женей (Мирра)

Холодный ночной воздух обжигает разгоряченные щеки, словно ледяной душ после сауны, но это не помогает унять пожар внутри.

Рука Жени, сжимающая мою ладонь, пылает, как раскаленная кочерга, и это проклятое покалывание, похожее на разряд статического электричества, снова пробегает по моим венам, стоило лишь нашим пальцам переплестись.

Что я, черт возьми, делаю?

Я, Мирра, девушка, которая обычно просчитывает свои шаги на три хода вперед и паникует, если план рухнет на полпути, сейчас безропотно плетусь за парнем, чью фамилию даже не знаю. И самое страшное, самое абсолютно иррациональное в этой ситуации?

Мне это чертовски нравится.

Женя не отпускает мою руку. Наоборот, его большой палец начинает вычерчивать на тыльной стороне моей ладони медленные, гипнотизирующие круги. Это простое, почти невинное движение заставляет мои колени предательски дрогнуть.

- Madre mia, - если он продолжит, я расплавлюсь прямо здесь, на асфальте, и мне придется собирать себя по частям.

- Ты так вкусно пахнешь, Мирра, - его голос звучит с лег-

кой хрипотцой, которая вибрирует прямо у меня под кожей.

Я вздрагиваю, словно от удара током. Опять этот чертов разряд. В голове крутится только одна мысль, и она неприлично громкая.

- Ты вся дрожишь, Мирра, - шепотом говорит он, и в его голосе проскальзывают веселые, хищные нотки.

Он не убирает руку. Наоборот, его пальцы медленно, мучительно медленно скользят выше, по внутренней стороне бедра, обжигая меня даже через ткань джинсов.

- Это просто холод, - выдыхаю я, и мой голос звучит так жалко и неубедительно, что мне хочется немедленно провалиться сквозь землю.

- Правда? - он поворачивает ко мне голову. В полумраке его орехово-карие глаза кажутся почти черными, бездонными и притягивающими, как омут. - А мне кажется, ты просто боишься того, что точно произойдет через пару минут.

Мой разум кричит: «Тормози! Беги!»

Но мое тело предательски выгибается навстречу его руке, а губы сами собой приоткрываются, чтобы поймать еще один глоток воздуха.

- Может и боюсь, - шепчу я, неожиданно для самой себя решаясь на честность. - А ты собираешься меня напугать?

Он усмехается, и я снова вижу те самые проклятые ямочки на щеках.

- Я собираюсь сделать всё, чтобы ты перестала думать, Мирра.

Щелчок замка входной двери звучит как выстрел стартового пистолета. Мы входим в темную квартиру. Мы не включаем свет, и только бледный лунный свет, пробивающийся сквозь панорамные окна, выхватывает из темноты контуры мебели. Но мне не нужно видеть. Прямо сейчас мои другие чувства обострены до предела.

Дверь за моей спиной закрывается с тяжелым, окончательным щелчком. И прежде чем я успеваю сделать вдох, Женя оказывается прижат вплотную ко мне.

Он прижимает меня к холодной поверхности двери, и этот контраст между ледяной дверью и его раскаленным телом, сводит с ума. Его руки оказываются по обе стороны от моей головы, запирая меня в ловушку, из которой я, похоже, и не хочу выбираться.

- Ну что, - его шепот обжигает мочку моего уха, и по моей спине пробегает каскад мурашек. - Моя девочка, - говорит ласково он, и это прозвище, сказанное таким низким, бархатным тоном, заставляет что-то внутри меня сжаться от острого, тягучего желания.

Его рука медленно поднимается к моему лицу. Кончики его пальцев очерчивают линию моей челюсти, затем скользят по шее, находя бешено пульсирующую вену. Он задерживает на ней большой палец, словно прислушиваясь к ритму моего сердца.

- Оно бьется так, будто хочет выпрыгнуть, - замечает он, и его лицо опускается еще ниже.

Я чувствую его дыхание на своих губах. Оно горячее, прерывистое, пахнет мятой и чем-то неуловимо мужским. Расстояние между нами сокращается до миллиметров. Я вижу, как расширяются его зрачки, как слегка подрагивают его длинные ресницы. Время замедляется, растягивая эту секунду в бесконечность.

Мои руки, которые до этого момента висели вдоль тела, сами собой тянутся к нему. Пальцы впиваются в ткань его футболки на груди, сжимая ее, притягивая его еще ближе, стирая последние границы пространства между нами.

- Женя... - выдыхаю я его имя, и оно звучит как мольба и как вызов одновременно.

Его рот наконец накрывает мои губы, и мир взрывается.

Его губы жесткие и властные, раздвигают мои, и его язык проникает внутрь одновременно дегустируя, захватывая и подчиняя. Я отвечаю ему с той же отчаянной жадой, забывая о приличиях, о здравом смысле, и даже о своем имени.

Его руки спускаются с моей шеи на талию, сжимая ее так крепко, что, наверное, завтра там останутся синяки, но сейчас мне плевать. Я хочу чувствовать эту мужскую силу. Я хочу чувствовать его.

Женя приподнимает меня, и я инстинктивно обвиваю его талию ногами, прижимаясь к нему всем телом. Электрический разряд, который я чувствовала раньше, теперь превратился в сплошной пожар, охвативший каждую клеточку моего тела. Он отрывает меня от двери и несет вглубь квартиры,

не прерывая поцелуя. Мои пальцы зарываются в его волосы, сбивая идеальную укладку, и он издает низкий, вибрирующий стон где-то в горле, который отзывается тяжелым эхом внизу моего живота. Мы спотыкаемся о край дивана, и он мягко, но настойчиво укладывает меня на подушки, нависая надо мной, как темное прекрасное божество. В полумраке его глаза блестят диким, необузданным огнем. Он медленно, с мучительной неторопливостью, проводит ладонью по моей щеке, затем по шее, задерживаясь на ключице, и начинает расстегивать пуговицы моей блузки.

Каждый новый сантиметр обнаженной кожи, касающийся прохладного воздуха и его горячих пальцев, вызывает во мне волну дрожи. Мой разум окончательно отключается, оставляя только чистые, первобытные ощущения: запах его кожи, тяжесть его тела, жар его рук и этот невыносимый, сладкий гул в крови, который требует продолжения.

- Ты хочешь этого, Мирра? - его голос хриплый, напряженный, и в нем прорезается тень той самой заботы, которая делает его таким опасным для моего сердца. - Последний шанс сказать «СТОП»

Я смотрю в его бездонные глаза и вижу в них свое отражение - растрепанная, запыхавшаяся, с припухшими губами и горящими щеками.

И понимаю, что никакого «СТОП» сегодня не будет.

Вместо ответа я тянусь к нему, пальцами находя край его футболки и резко дергаю ее вверх, срывая с него эту преграду.

ду.

Женя пару секунд смотрит на меня, словно пытаюсь понять, насколько я серьезна в своем намерении, и убедившись, что я не шучу, подхватывает меня на руки и несет в спальню. И в ту же секунду его рот снова накрывает мой, уже не оставляя ни единого шанса на отступление.

Он схватил меня и прижал к себе. Его губы прямо сейчас целовали мою шею и от ярких ощущений внизу живота, я застонала. Жар пронесся по моим венам молнией чистого желания.

Затем Женя взял мою руку и направил ее в сторону молнии его джинс. Я задержала дыхание и в этот момент земля едва не ушла из-под ног.

Боже, я чувствовала его член, твердый и толстый, под тканью его джинс. Кажется, я точно нравлюсь ему.

В следующий миг, Женя прижал мою руку к своему члену сильнее, сжимая мои пальцы вокруг него. Это усилило возбуждение и мои пальцы стали более торопливыми.

- Встань на колени, - приказал Женя и я послушно выполнила его приказ.

На секунду Женя замер, глядя на меня сверху вниз. Внутри меня же был ураган чувств. Я одновременно испытывала сильное возбуждение и в то же время чувство стыда от того, что я сейчас буду делать.

Опустившись перед ним на колени, начинаю возиться с застежкой на его джинсах. На удивление, мне сразу удается

справиться с ней и я неспешно спускаю с него джинсы. И вот Женя стоит передо мной в одних синих боксерах и мои глаза начинают жадно изучать его тело.

Господи, он прекрасен. И от него очень вкусно пахнет. Я смотрела на него и сердце было готово выпрыгнуть из груди.

Женя не торопит меня и дает насладиться видом. И, кажется, я вижу как он улыбается в темноте.

- Мирра, знаешь что мне в тебе нравится? - начал он, обхватив ладонью мой затылок, - Ты очень хорошая девочка. Но я точно уверен, что внутри тебя есть еще очень плохая девочка, которая хочет выйти и поиграть. Хочешь выпустить эту шлюшку на свободу?

Как же он прав. Все именно так и есть.

- Да, очень хочу!!!

Я берусь за резинку его боксеров и медленно тяну мягкую ткань вниз и замираю, когда его член, покачиваясь, оказывается перед моим лицом.

Ого, он в полной боевой готовности. Я не могу отвести взгляда от красоты и внушительного размера его члена.

- Открой рот, Мирра. И возьми его, - приказывает глубокий голос. И я покорно подчиняюсь. Делаю именно так, как он и говорит и чувствую приятный солоноватый вкус на своих губах.

Гладкая кожа все глубже погружается в мой ротик и я решаюсь поиграть с его членом. Подключаю свой язычок и начинаю обводить круги вокруг его члена. Сверху слышу ед-

ва различные звуки и моё возбуждение усиливается в разы. Андрей и Марк, мои бывшие, всегда были молчаливыми, будто ничего не чувствовали. От этого у меня появились комплексы - может я делаю что-то не так?

И сейчас я понимаю, насколько это сексуально, когда мужчина стонет и издает звуки, и не стесняется показывать это.

Женя медленно входит в моё горло, придерживая мой затылок своей ладонью, слегка толкается, выходит и круг движений снова повторяется, заставляя запустить водопад в моих трусиках.

- Мирра, ты такая классная...

Я поднимаю глаза вверх и вижу как Женя двумя руками обхватил свою голову и запрокинул ее назад.

- Мирра, продолжай. Не останавливайся, - у него до жути сексуальный завораживающий голос.

Я снова поднимаю глаза вверх и вижу как Женя смотрит на меня потемневшими зрачками.

Мягко проведя ладонью по моим щекам, я увидела, как улыбка мелькнула на его губах и резко пропала.

- Сейчас я собираюсь сделать кое-что, что тебе очень понравится, - его ладони вдруг оказались на ее руках, и без предупреждения, он резко поднял меня и развернул от себя. Притянул к себе ближе и прижался ко мне всем своим телом.

Прежде чем я успела издать хоть какой-то звук, его губы, сзади, оказались на моей шее. Женя начал прокладывать дорожку из жарких поцелуев.

Мои глаза распахнулись и сфокусировались на прикроватной тумбе. В этот момент он положил свои ладони мне на грудь, от чего мои соски моментально набухли и машинально бедрами я подалась назад. Я прикусила губу, когда Женя издал глубокий гортанный звук. Будто голодный хищник поймал свою жертву и готов был ее съесть.

Его руки уверенно двигались по моему телу, спускаясь вниз по боками, и остановились на бедрах. Его пальцы жестко сжали мои бедра и в этот момент пик соблазна был на высоте, потому что одновременно чередуя, он то покусывал, то целовал мою шею.

Сердце было готово вырваться из груди. Женя неожиданно прекратил целовать шею и резко присел. Я понятия не имела что он сейчас собирается делать и уже хотела начать повернуться к нему, как он резко приказал этого не делать. Его пальцы зацепили край моих трусиков и стащили их вниз.

Тело так сильно пульсировало, что я едва могла дышать. Я посмотрела вниз и увидела темный взгляд Жени. Ему определенно нравилось то, что он делал.

- Ты невероятно красива Мирра, - сказал он и в следующую сегодня приказа: - Раздвинь ноги шире.

Я облизнула губы и повиновалась. В следующую секунду я почувствовала как его большой палец коснулся меня в самое сокровенной место.

- Господи...., - выдохнула я и в следующий миг он снова проделал то, от чего мои бедра рефлекторно подались на-

встречу его лицу.

- Не сдерживай себя, Мирра.

Мое тело уже сотрясало от возбуждения, когда его язык снова скользнул.... О Боже...

Я почувствовала, как он играет языком туда-сюда, вперед-назад, мучительно дразня меня.

- Ты такая сладкая девочка, - прошептал Женя.

К этому моменту я уже не могла связать и двух слов, и в ответ лишь промычала что-то вроде «УГУ»

Затем Женя прижался лицом вплотную к моим бедрам.

О, Боже, - я моментально испытала яркий фейерверк внутри себя, что аж вспыхнули искры из глаз.

Жене нравилось реакция моего тела на его прикосновения. Он встал, прильнул меня и в следующую секунду положил на кровать спиной себе на грудь.

Одной рукой он ласкал мою грудь, а другой дразнил меня, входя и выходя из меня. Это невероятно классное ощущение полного контроля мужчины над моим телом. Я уже давно подчинилась его воле и перестала думать о чём-либо другом.

- Тебе нравится? Я вижу как тебе нравится, девочка..., - шепнул мне на ухо.

Едв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.